

Имя в литературе

«Когда меня не будет, будет дождь...»

Сегодня – день 75-летия Бориса Попова. Дата эта печальная – сослогательное наклонение «исполнилось бы» всегда горчит, – но и светлая тоже: пятое октября 1946 года подарило Магнитке поэта великого таланта и великой искренности, того, кто мог бы, не кривя душой, повторить слова своего старшего современника Владимира Высоцкого: «Ни единою буквой не лгу...» В стихах честность столь высокой пробы – редкость.

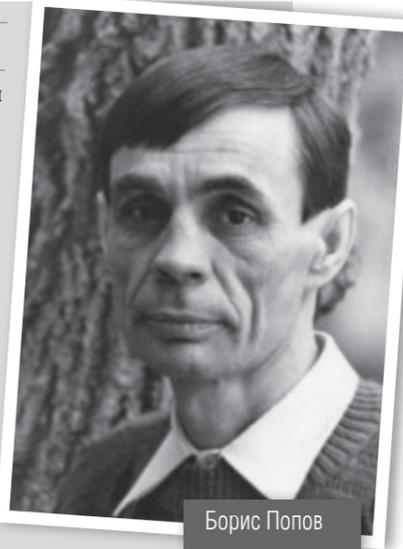
Борис Попов предстаёт перед читателями грешным, несовершенным, страдающим. Он не создаёт идеализированного, романтического образа непонятого гения, – напротив, поэт понятен и близок в своих победах и поражениях, метаниях и муках совести, в своей боли и радости. Это безграничное доверие к тем, кто откроет его стихи, а глав-

Справка «ММ»

Борис Емельянович Попов (5 октября 1946–20 января 1996) – российский поэт, журналист. Жил в Магнитогорске, учился в Литературном институте имени А. М. Горького, куда поступил по рекомендации Бориса Ручьёва.

С 1991 по 1996 год работал в редакции газеты «Магнитогорский рабочий», где вёл литературную страницу и руководил литературным объединением.

Автор книг стихов «Светает в шесть...» (1992, 12+), «Под знаком Весов» (1993, 12+), «На уровне разлуки» (1994, 12+). В 2008 году в серии «Литература Магнитки. Избранное» под патронажем «Магнитогорского металла» издан поэтический сборник Бориса Попова «Вторая половина четверга» (2008, 12+).

Борис Попов

ное, к самой стихии ритма, рифмы, образа и той неуловимой магии, которую не передать литературоведческими терминами. Испове-

дальная поэзия тонко чувствующего, ранимого, но мужественного и стойкого человека, которого не сломали ни душная эпоха застоя,

ни перестройка, ниспровергавшая идеалы, ни лихие девяностые, когда рушилось то, что казалось неизблемым. Наверняка ему удалось бы выдержать и проверку эры Интернета переизбытком доступной информации, в том числе и литературной. Свидетельством тому – живая реакция сегодняшних читателей из разных городов и стран на стихи магнитогорского поэта, погибшего четверть века назад.

Вдова поэта Светлана Гладкова начала писать воспоминания только через два десятилетия после трагедии, в 2016-м. Более двадцати глав опубликованы на сайте международного клуба «ИнтерЛит» в разделе, посвящённом жизни и творчеству Бориса Попова. И вот, пять лет спустя,

готовится к печати «Попытка прощания. Книга первая» (12+). Редактором издания выступил поэт Иван Попов, сын Светланы Гладковой и Бориса Попова. Когда мемуары о поэте и его времени увидят свет, расскажу о них подробнее в нашей литгостинной. А пока напомним: в магнитогорских библиотеках есть стихи Бориса Попова, а также их легко найти в Интернете.

У Бориса Попова было немало публикаций в главных литературных журналах страны и магнитогорских газетах, а вот издать книги ему удалось уже в постсоветское время. В канун юбилея поэта, бережно листая страницы его сборников и сочувствуя непростому пути стихов к читателю, я вдруг подумала: а ведь Борис Попов был счастливым человеком! Мог позволить себе роскошь говорить без фальши и конъюнктуры – так, как душа просит. За это и люблю: за живую, искреннюю, тёплую поэзию, естественную, как дыхание.

✍ Елена Лещинская

Поэзия

✍ Борис Попов

Пророчество

Когда меня не будет, будет дождь.
И, стоя на конечной остановке,
Ты мысленно опять ко мне придёшь,
Испачкав свои новые кроссовки.

Когда меня не будет, будет то,
Что не было со мною. В изобилие
Появятся красивые пальто,
Которые мы так и не купили.

И зонтики сейчас же приплывут
С Курильских островов. И новый гений
Изобразит вам следствие и суд
Над автором вот этих заявлений.

Когда меня не будет во плоти,
Я стану подавать тебе сигналы
Поломкой в электрической сети
И крапчатой мглой телеканала,

И светом августовским, и золой
Печального костра на огороде.
Когда меня не будет – Боже мой! –
Ничто не переменится в природе.

Лишь девочка с испуганным лицом
Обмолвится случайно: жил, мол, некий
Поэт в том доме с маленьким крыльцом.
.....
Я мог бы стать ей мужем иль отцом,
Когда б не умер вовремя, навеки.

Мальчики из цехов,
девочки из лабораторий,
слушатели стихов
и заводных историй.

Битые мужики –
только мигни и свистни, –
что ни одной строки
не прочитали в жизни.

Женщины без любви
и с вековой любовью –
вы у меня в крови,
выйдете только с кровью.

Что я один без вас?
Если слабо и с вами.
Вот и пришёл мой час,
а не могу словами...

Время летит стремглав.
Мокнет бельё в корыте.
Кто-то из нас не прав.
Думайте. Говорите.

Страшней фантастики любой
простая наша повседневность,

где делится любовь на боль
и умножается на ревность.
И торжествует гений зла,
сверхсовременный Мефистофель –
чья стать сильна, и весела,
и хороша в анфас и в профиль.
Ему и сделка ни к чему –
благоприятствует погода.
...И город в пепле и дыму
молчит угрюмой год от года.

Под знаком Весов

Я родился под знаком Весов
в городишке весьма невесёлом,
запирающем дверь на засов
иль на два полновесных засова.

Сторожащий шаги темноты
и обученный лаю и вою,
я родился под знаком Беды –
под тяжёлою женской звездой.

В том краю, где горячий металл
в память впился, как первая клизма, –
каждый третий срока отмотал,
безвозвратно идя к коммунизму.

Дети, женщины и старики –
все отмечены тайною метой.
...Так давай посидим у реки,
что дыханием мая согреета.

Так давай помолчим перед тем,
как проститься и встретиться снова
на костре горевых перемен
века этого незолотого.

Я родился под знаком Весов,
весовщик своих собственных тягот,
запирающий дверь на засов
перед тем, как засесть за бумагу.

Запивающий кружкой воды
черствый пряник, дарённый всевышним, –
я родился под знаком Беды,
под звездой фальшивой и лишней.

В горемычном гремучем краю,
где закат не отнять от рассвета –
я родился. И душу свою
не меняю на схемы и сметы.

Песня

Сыну Ивану

Где февраль свистел и ветрами сыпал,
по чужим углам мы скитались с сыном,
по чужим углам, по чужим полатам –
и чужие сны меня мучат, кстати.
И, чужой набит искривлённой жизнью,
я бродил меж плит и знамен отчизны,
от седой волны до сухой осины,
от волос жены до глазёнок сына.
Так и мир сгорит – меж одной халупой
и другой...

Жесток русский город Глухов!
То закроют газ. То откроют воду.
Здесь под входом:

«Нет посторонним входу».

Широка страна, а могла быть меньше,
да нежней – хотя б для детей и женщин.
Я сижу в ночи, и скрипит будильник,
словно норовит дать мне подзатыльник:
мол, не стар ещё и не страшен, вроде,
и пиши себе о своей природе.
И пиши себе о своей юдоли,
коль других забот у тебя нет боле.
Я бы рад, мой друг, да немеют руки
от февральских вьюг, от апрельской муки.
По чужим углам, по чужим гостинным
так всю зиму мы и скитались с сыном,
чтоб ушла в побег и окрела песня,
упасая век от его болезней!..

Чердак

Окошко глухое, скрипучий диван
с обивкою серо-зелёной,
ночной, паутиный, обманный туман,
чердачный покой пропылённый.
То ветер случайный, то поздний гудок,
то молнии высверк летучий!
На север идут поезда, на восток
летят подневольные тучи.
Пропала, пропала пора серебра,
и золото вдруг испарилось!
Зачем же всю ночь –
досветла, до утра –
вчера ты мне снилась и снилась?
Окошко глухое, овалы, углы,
прогнившие старые доски,
и кружево пыли, наплывы смолы
и острая сырость извёстки!
Прощай без свидания, чёрный чердак,
гостиница снов золотая!
Зачем же ты слёзы глотаешь, чудака?

...Зачем же я слёзы глотаю?

Сильный человек

Ты переплыл сто рек,
сто верст прошёл по снегу.
И – сильный человек –
знал цену человеку. –

Ну что там звёздный плёс!
Ты в небе был, как в поле.
Ты в кулаках пронёс
свою земную долю.

И не любил калек...
Та женщина простая...
Летучий лёгкий снег
за нею вслед растаял.

Тяжёлые дожди
взметнулись в тесном танце.
...Не крикнул: подожди!
Не вышептал: останься!

Ты – сильный человек,
ответственные скулы.
Ты переплыл сто рек.

Она сто раз тонула.

Братская баллада

Ты расписался на стенах рейхстага.
...Худо ли, бедно –
он расписался на стенах барака
в полдень победный.
Вот и сошлись ваши росчерки вместе
в разных широтах.
Ты посвятил свои строки невесте,
брат твой – сиротам.
Вот и сошлись ваши судьбы, совпали
неколебимо.
В бронзе взлетел ты на пьедестале
Третьего Рима.
Брат твой, за брата молившийся в тундре, –
как его имя? –
и до сих пор не вернулся оттуда
вместе с другими.
...Век отпускает поводья, и тройка
русская мчится.
Рушатся стройки, но лепятся бойко
передовицы.
Братья, себя не узнавшие в песне,
не виноваты.
Ты неизвестен и он неизвестен –
два горьких брата!
Век отпускает поводья, иная
правда родится.
Я этой правды не знал и не знаю.
Тройка всё мчится...

Без фальши

Я позабыл, что я жил и любил. Не помню –
чем же я бредил, кому божился
в узких кроватях громоздких комнат.
Я позабыл, что такое сон. Я сжился
с пресной трясушкой ночных кошмаров
и преуспел в этом деле. Словно
щупальца или клешни кальмаров,
меня терзало, спать не давая, – слово.
Жалкие выжимки и потуги
не утешали меня – да полно! –
в потных объятьях своей подруги
я их к утру забывал упорно.
...А между тем над сетью кварталов
дождь про своё напевал картаво.
И грохотала страна металла
без колбасы, молока, сметаны.
Я позабыл, что такое быть. И вынул
без суеты из борьбы. И выпил –
сколько положено по талону,
выстояв очереди-колонны.
Как говорят, что посеешь – то и...
Не повернётся язык сказать, что дальше –
поступь оркестра, дыханье холодной хвои?
...Господи, было бы это хотя б без фальши.